

Е. А. КРЕСТЬЯНИКОВ

профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета, доктор исторических наук, доцент

ИЗ ИСТОРИИ КРЫМА В XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Включенному в состав России при Екатерине Великой Крымскому полуострову предстояло влиться в общеимперское социально-экономическое и политико-правовое пространство, подключиться к культурной жизни страны — такие процессы во многом определили развитие края в следующем столетии; в то же время ему предстояло пережить в будущем вместе со всей империей те невзгоды, которыми изобиловала российская действительность.

В XIX — начале XX в. Крым входил в Таврическую губернию, созданную 8 октября 1802 г. по закону «О разделении Новороссийской губернии на три губернии: на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, и обустройстве там судебных мест», с губернской столицей в Симферополе [1].

Демографическая ситуация в регионе определялась постоянным ростом этнически и социально неоднородного населения. Городское население Таврической губернии в 1827 г. составляло 21409 душ обоего пола, увеличившись по сравнению с 1792 г. на 17%. Быстрое увеличение общей численности жителей Крыма происходило прежде всего за счет пополнения новыми переселенцами, в основном русскими и украинцами; с учетом переселения в сельскую местность русских и украинских крестьян и представителей разных народов (немцев, болгар, молдаван и др.) край становился одной из многона-

циональных окраин Российской империи, при этом все больше делается «русской землей» [2].

В первой половине XIX в. основным занятием жителей севера Таврической губернии являлось скотоводство, развитие которого стимулировалось правительством (например, в 1843 г. учреждались выставки скота по Новороссийским губерниям [3]). Благодаря усилиям российских властей на полуострове в начале столетия получили существенные стимулы для развития также садоводство и виноградарство, которые до сих пор прославляют Крым. В 1802–1806 гг. туда были направлены колонисты, знакомые с этими видами хозяйствования — выходцы из Швейцарии, Бадена, Вюртенберга и с берегов Дуная [4], а 7 июля 1803 г. Александр I повелел государственным крестьянам, которые пожелали бы заняться разведением фруктовых деревьев, отводить общественные земли без всякой оплаты [5].

Между тем еще до того, как полуостров стал популярным местом отдыха, он уже сделался привлекательным для путешественников. Туда любили приезжать известные россияне, иногда увлекаясь посещением полуострова, который становился все более притягательным. Так, летом–осенью 1825 г. там побывал А. С. Грибоедов, который, намереваясь «прослоняться в Крыму недели три», провел здесь немало больше времени, осмотрев многие достопримечательности новоприобретенного российского края [6]. Кроме него, в первой половине XIX столетия отметились визитом сюда, к примеру, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. Мицкевич, В. А. Жуковский, В. Г. Белинский, что, безусловно, оставило яркий след в культурном развитии региона [7].

Особенное испытание и трагическую страницу в истории Крыма составила Крымская война, принесящая всей России, из-за ее отсталости, по словам великого русского историка и современника событий М. П. Погодина, «тяжкие» «страдания»: ведь «дорог не было, и везде, где не являлись враги, мы с миллионом войска, содержавшегося сорок лет, были всегда в меньшинстве, не говоря о тех страшных новейших изобретениях и открытиях науки и искусства, которым могли мы противопоставить одну только грудь» [8]. В таких условиях 11-месячная героическая оборона Севастополя тем более остается памятником му-

жеству русского солдата, она продемонстрировала силу патриотических чувств народа, показав стойкость его национального характера.

Поражение не только нанесло существенный урон полуострову (имелось мнение, что «до начала Крымской кампании Таврида благоденствовала»), а «продолжительная война эта изменила бывшее благоденствие» [9]), но и сделало невозможным сохранение российских феодально-крепостнических порядков в прежнем виде, подтолкнув Александра II и его окружение к глубоким преобразованиям в масштабах всей России, краеугольным из которых являлась крестьянская реформа. Освобождение крестьян коснулось, естественно, и Таврической губернии. «Объявление воли» состоялось в Симферополе 15 марта 1861 г. [10].

Наиболее последовательная из реформ Александра II — судебная 1864 г. — проводилась в крае почти без задержки: как известно, она растянулась в России на 35 лет, но в Крыму «новые» суды вводились уже в 1869 г., когда устанавливалась Одесская судебная палата, в округ которой, наряду с Таврической, вошли Херсонская, Екатеринославская и Бессарабская губернии [11]. В Симферополе открытие окружного суда состоялось 22 апреля упомянутого года и, по словам очевидца, «торжество это, совпадая с великими днями Пасхи, было вдвойне радостно для народа, которому суждено было дожидаться осуществления великой реформы и встретить ее, как бы очистившись от всего прошлого недавним покаянием и постом» [12]. Введение же установленных в 1860 г., еще до принятия Судебных уставов, должностей судебных следователей [13] произошло в губернии одновременно с другими 43 губерниями Европейской России [14].

Реформы способствовали возрождению экономической жизни региона, подталкивая его к развитию. Так, в появившихся земских учреждениях гласные бурно обсуждали вопрос о соединении Крыма с остальной империей железной дорогой, в конце концов сойдясь во мнении о необходимости нового для края вида транспорта [15]. Вскоре таковой там появился: в 1873 г. была построена линия Лозовая–Симферополь. Затем уже сам полуостров покрылся сетью железных дорог. В 1875 г. Симферополь связывается с Севастополем, в 1892 г. — Джанкой с Феодосией, в 1900 г. — Владиславка с Керчью. Таким образом, для регио-

на открывались внутренние рынки сбыта, а для всей страны облегчалась доставка сельхозпродукции к портам для экспорта [16].

Проведение железной дороги послужило главным толчком к развитию крымских садоводства и виноградарства — отраслей, с которыми традиционно ассоциируется край. Теперь Крым, по словам современника, своими фруктами мог уже «соперничать с иностранными и постепенно вытеснял их даже из столичных рынков — Санкт-Петербурга и Москвы». Действительно, показатели вывоза продукции возрастали. Например, по железной дороге было вывезено винограда: в 1879 г. — 4447 пудов, тогда как в 1887 г. — 23466 пудов [17].

Благодаря промышленному перевороту полуостровов вместе с остальной Россией вступал в капиталистическую эпоху. Новые технологии начали внедряться в регионе еще в первой половине XIX в. (например, в 1828 г. началось пароходство по Черному морю, первый пароход носил название «Одесса» [18]), но их широкое применение происходило уже позже, когда росли количество предприятий и численность пролетариата: в 1868 г. имелось 63 предприятия со 184 рабочими, в 1886 г. — 99 и 743, в 1900 г. — 264 и 14,8 тыс. человек. Крупнейшими производствами, как это определяла специфика края, являлись судоремонтные мастерские, консервные заводы, табачные фабрики. В самом конце XIX в. приобретала значение добыча железной руды, в 1899 г. был построен Керченский металлургический завод. В качестве центров промышленности выступали большие города, в некоторых городах — Евпатории, Бахчисарае — крупные предприятия отсутствовали, там находились лишь небольшие мастерские и фабрики кустарного типа [19].

Эпоха характеризовалась быстрым ростом крымского населения и еще более резким обозначением его многонационального состава. Это было вызвано естественным приростом жителей (Таврическая губерния по этому показателю занимала 3 место в России) и притоком переселенцев. С 1865 по 1897 г. численность населения почти утроилась, увеличившись со 194 до 547 тыс. человек. По данным переписи 1897 г., доля русских и татар составляла примерно по трети всех жителей, украинцев — 11,8, немцев — 5,8, евреев — 4,7, греков — 3,1, армян — 1,5%. В начале XX в. увеличение численности населения продолжилось за счет дальнейшего повышения доли

переселенческого населения, среди которого преобладали крестьяне, служащие, мастеровые из центральных и юго-западных областей страны. К 1917 г. в крае проживало 798,8 тыс. человек [20].

Развитие культуры Крыма определялось и общероссийскими тенденциями, и специфическими местными. Во второй половине XIX в. рост интереса к обобщению знаний, к науке сделали насыщенный стариной и памятными событиями полуостров объектом внимательного изучения. Появлялись музеи (Музей древностей Таврической ученой архивной комиссии, естественно-исторический музей, музей Севастопольской обороны и др.), крупные библиотечные центры (библиотека «Таврика»). Как и везде, в крае деятели науки и культуры стремились к объединению (так, зародились Таврическое медико-фармацевтическое общество, Симферопольский отдел Российского общества по изучению садоводства для хозяйственных и научных целей, та же Таврическая ученая архивная комиссия и др.), появилась неофициальная пресса, получало развитие гимназическое, в том числе женское, образование. Наличие здесь огромного числа российских знаменитостей от наук и искусств можно считать одной из особенностей культурной жизни крымской провинции [21].

Культурно-историческое значение региона лишней раз подчеркивалось во время празднования в 1888 г. юбилея принятия христианства на Руси, когда местный клир определил краю особую миссию в жизни государства и общества и их истории: «Хотя событие крещения св. князя Владимира имеет одинаковое значение для всех пределов и местностей нашего обширного отечества и потому юбилейное торжество в память этого события должно было принять характер торжества повсеместного на всем пространстве нынешней России, тем не менее, из всех местностей и городов России в торжественном праздновании 900-летнего юбилея крещения св. Владимира и русского народа должны выделиться два пункта — Херсонес Таврический, как место крещения равноапостольного князя Владимира, и Киев, как место крещения русского народа» [22].

Начало XX в. снова выдвинуло Крым на первый план в российской истории. Так, восстания на военно-морском флоте в годы Первой русской революции, в частности, наверное, наиболее знаменитое из

них — на броненосце «Потемкин», были непосредственно связаны с Крымом и Севастополем, где базировалось это современное и самое крупное на Черноморском флоте военное судно [23]. В октябре 1905 г. в Симферополе произошел еврейский погром [24] — один из многочисленных, безжалостных, повсеместных (даже в неблизком сибирском Томске точно в те же сроки прошел аналогичный погром [25]) и характеризующих напряжение момента социальный конфликт.

Во время Первой мировой войны полуостров оказался далеко от фронта, но в районе боевых действий: турецкий флот обстреливал Крым, хотя никаких сухопутных столкновений не было. В целом русский флот на Черном море одерживал верх над неприятелем, однако революционное брожение все глубже проникало в матросские массы. Под воздействием растущей на судах анархии стратегически важная блокада Босфора начала ослабевать. 8 ноября 1917 г. в Севастополе узнали об Октябрьской революции, к концу революционного года боевые действия на Черном море фактически прекратились [26].

В XIX — начале XX в. Крым органично, естественным образом становился российской провинцией. Неразрывно связанный экономически, юридически, культурно, этнически с остальной Россией, получая от нее блага, он в то же время выступал форпостом обороны всей империи, примеряясь к роли одного из наиболее развитых и выгодных для страны регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСЗ-I. Т. 27. № 20449.
2. Крым: прошлое и настоящее. М., 1988. С. 34–35.
3. Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. Вып. 1. Симферополь, 1867. С. 347.
4. Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Т. 9. Симферополь, 1889. Отд. 5. С. 57.
5. ПСЗ-I. Т. 27. № 20841.
6. См.: Филоненко В. И. Грибоедов в Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (бывшей Таврической ученой комиссии). Симферополь, 1927. Т. 1 (58). С. 157–164.
7. Дюличев В. П. Рассказы по истории Крыма. Симферополь, 2005. С. 263–264.

8. Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 7.
9. Попов И. С. Крым в его прошлых судьбах // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении под общей редакцией П. П. Семенова. Т. 5: Малороссия и Новороссия. Ч. 2: Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии. СПб.; М., 1898. С. 298.
10. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. М., 2008. Т. 1. С. 183.
11. См.: Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. (Историко-правовое исследование). М., 1983. С. 93.
12. Раевский В. Г. Открытие в Симферополе окружного суда // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год двадцать восьмой). 1915. № 52. С. 216–225.
13. ПСЗ-II. Т. 35. № 35890.
14. См.: Серов Д. О. Судебные следователи Крыма (1861–1917 гг.) // Судебный следователь. 2014. № 10. С. 51–55.
15. Материалы, собранные земскими учреждениями Таврической губернии, по вопросу о соединении Крыма с центральными губерниями паровой железной дорогой. [Б. м.], 1872.
16. Крым: прошлое и настоящее. С. 42–43.
17. Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Т. 9. С. 59.
18. Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. Вып. 1. С. 346.
19. Дюличев В. П. Указ. соч. С. 282–284.
20. Дюличев В. П. Указ. соч. С. 281–282; Крым: прошлое и настоящее. С. 39–40.
21. Дюличев В. П. Указ. соч. С. 290–299.
22. Описание бывшего 15 июля 1888 г. в Херсонесе Таврическом празднования 900-летнего юбилея со времени крещения св. кн. Владимира и русского народа. Симферополь, 1888. С. 1–2.
23. См., напр.: Кардашев Ю. П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда. М., 2008; Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История. СПб., 2015. С. 183–190.
24. См., напр.: Клейнершехет И. С. Дело об октябрьском погроме в Симферополе. Судебный отчет с иллюстрированными приложениями на отдельных листах. Симферополь, 1907.
25. См.: Шиловский М. В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010.
26. Стариков Н., Беляев Д. Указ. соч. С. 168–174.